

ODYSSEUS

Man in History

Mutual representations
of rituals and religious practices
of adherents of different Faiths

2015–2016

MOSCOW
DMITRY POZHARSKY UNIVERSITY
2017

ОДИССЕЙ

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

Ритуалы
и религиозные практики иноверцев
во взаимных представлениях

2015–2016

МОСКВА
УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО
2017

СОДЕРЖАНИЕ

РИТУАЛЫ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ ИНОВЕРЦЕВ ВО ВЗАИМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Лучицкая С. И.

«Три кольца».

Ритуалы и религиозные практики иноверцев:
взгляды с разных сторон11

Варьяш

И. И. Паломнические практики сарацин

в правовых памятниках

арагонской короны (XIV—XV вв.) 33

Астахов М. А.

Клятвы в дипломатических отношениях арагонской короны

и гранадского эмирата в XIV—XV вв 49

Толан Джон

«Ужасный шум»: звон колоколов

и крик муэдзина в межконфессиональной полемике

на пиренейском полуострове 65

Попова Г. А.

«Свято место пусто не бывает»?

Использование иноконфессионального

сакрального пространства

(пиренейский полуостров, VIII—XIII вв.) 85

Долгополов В. В.

«Твои доктора... согласны с подлинными

католическими докторами» (иудейские учителя

в *adversus judaeos* (XII — нач. XV в.):

статус и способы обозначения)..... 105

Пармонова М. Ю.

Греческие монахи в латинской Италии X в.:

Возможности и пределы адаптации 146

Чумичёва О. В.

Парадоксы «греческой веры»: между исламом,

христианством и языческими традициями 170

Чечик Л. А.

Образы «иудеев» и «мусульман»

в венецианской религиозной живописи

эпохи возрождения 187

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА

СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Избранные песнопения из *symphonia armonie celestium*

revelationum Хильдегарды Бингенской

(пер. и коммент. П. Д. Сахарова) 215

Реутин М. Ю.

Краткий очерк жизни и творчества

Хильдегарды Бингенской 232

Найджел Ф. Палмер

Аллегория и молитва: дом сердца и ковчег добродетелей

в «молитвеннике Урсулы Бегерин» 242

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

Майзульс М. Р.

«Если ты бог — защищайся»:

католические модели протестантского иконоборчества 281

Карло Гинзбург

«Ножницы» Аби Варбурга 349

«ЧУЖАК»

В ОБЩЕСТВАХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Симона Черутти

Кто такой «чужак» в Европе нового времени? Размышления

о юридических категориях и социальных практиках 380

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Каганович Б. С.

Переписка О. А. Добиаш-рождественской и Ф. Лота392

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Парамонова М. Ю.

Бесы и праведники «храма науки»: мемуары а. А. Зимина.

Судьбы творческого наследия отечественных историков
второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич.

М.: Аквариус, 2015431

Реутин М. Ю.

Там, где рождаются смыслы...

(Бондарко Н. А. Немецкая духовная проза XIII–XV веков:

язык, традиция, текст. Спб.: Наука, 2014)..... 467

IN MEMORIAM

Л. М. Баткин (1932–2016)..... 487

Отто Герхард Эксле (1939–2016)..... 495

Summaries.....516

Об авторах.....523

М. А. Астахов
КЛЯТВЫ
В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
АРАГОНСКОЙ КОРОНЫ И ГРАНАДСКОГО ЭМИРАТА
В XIV–XV ВВ.

Наша статья посвящена наиболее распространённому ритуалу в дипломатической практике в средние века — клятве. Являясь важнейшим свидетельством искренности намерений сторон, заключавших соглашение, она служила, наряду с подписями и печатями, средством подтверждения подлинности того или иного документа. Будучи конститутивным актом, устанавливающим обязательства сторон и регламентирующим дальнейшие отношения, клятва объединяла в себе «священное» и «правовое», благодаря чему законное сакрализировалось, а освященное клятвой приобретало законный статус¹.

При всей значимости заявленного предмета изучения, научных трудов, посвященных средневековым клятвам вообще и дипломатическим в частности, тем более написанных на испанском материале, пока существует недостаточно.

В западной историографии, несмотря на довольно большое количество исследований по международным отношениям в средние века, изучение клятв, зафиксированных в дипломатических документах, не было объектом пристального внимания. Важными представляются труды американских историков середины XX в.: Г. Маттинли², отметившего необходимость рассмотрения отдельных концептов истории дипломатических отношений, таких как граница, торговля, «образ *другого*», и Д. Квеллера, уделившего особое внимание ритуалам приема дипломатов при королевском дворе и особенностям апробации

¹ Клятвы и присяги в средневековом праве // Право в средневековом мире — 2009 / под ред. И. И. Варьяш, Г. А. Поповой. М., 2009. С. 5–6.

² Mattingly G. Renaissance Diplomacy. New York, 1988.

договоров³. Тем не менее в их исследованиях дипломатические клятвы упоминаются только вскользь.

Испанский историк М. А. Очоа Брун⁴ в своем многотомном труде изучает дипломатию каждого испанского королевства в отдельности, но при этом не допускает партикуляризма и их изоляции, используя многочисленные сравнения и сопоставления, а также делая выводы общего характера. Автор показал эволюцию разных дипломатических форм и институтов на испанской земле, рассмотрел важные правовые, терминологические и идеологические аспекты испанской средневековой дипломатии, но при этом мало уделил внимания инструменту клятвы.

Тем не менее как западной историографией в целом, так и испанской в частности был сделан значительный шаг в подготовке источниковедческой базы для возможности изучения средневековых ритуалов, в том числе и в сфере дипломатии. Наиболее важным для истории изучения христианско-мусульманских отношений был и остается так называемый «барселонский проект», который создавался под руководством М. Т. Феррер-и-Майоль для исследования локальной (прежде всего арагонской) истории в широком смысле слова, а также деятельность Высшего Совета по научным исследованиям в Барселоне (*Consejo Superior de Investigaciones Científicas*)⁵.

В отечественной историографии, несмотря на существующую еще с конца XIX в. традицию изучения средневековых международных отношений⁶, тема дипломатических клятв практически не затрагивалась. Тем не менее огромную роль для более глубокого понимания предмета нашего исследования играют труды, посвя-

³ *Queller D.L.* The Office of Ambassador in the Middle Ages. Princeton, New Jersey, 1967.

⁴ *Ochoa Brun M.A.* Historia de la diplomacia española, 3 vols. Madrid, 1990–1991.

⁵ См. в особенности следующие труды: *Ferrer i Mallol M.T.* La frontera amb l'islam en el segle XIV: cristians i sarraïns al País Valencià. Barcelona, 1988; *eadem.* Organització i defensa d'un territori fronterer: la governació d'Oriola en el segle XIV. Barcelona, 1990; *Salicrú i Lluch R.* El Sultanat de Granada i la Corona de Aragó, 1410–1458. Barcelona, 1998; *eadem.* El Sultanato Nazari de Granada, Génova y la Corona de Aragón. Granada, Málaga, 2007.

⁶ *Таубе М. В.* История зарождения современного международного права. Т. 2: Часть особенная. Принципы мира и права в международных столкновениях средних веков. Харьков, 1899; История дипломатии / под ред. В.А. Зорина, В. С. Семёнова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова, 2-е изд. Т. 1. М., 1959; *Ивонин Ю.Е.* У истоков европейской дипломатии нового времени. Минск, 1984; *его же.* Международные отношения в Западной и Центральной Европе XVI века: Очерки. Смоленск, 2001.

ценные смежным вопросам: М. А. Бойцова о политическом символизме⁷, С. И. Лучицкой об «образе *другого*» в хрониках крестовых походов⁸, И. И. Варьяш о правовых отношениях христиан и мусульман на Пиренейском полуострове⁹. Особо важным представляется сборник «Право в средневековом мире» под редакцией И. И. Варьяш и Г. А. Поповой за 2009 г.¹⁰, посвященный коронационным и судебным клятвам и присягам, различным свидетельствам вероисповедания и т. п. Средневековые клятвы в рамках общей традиции принесения клятв рассматривались также в отечественной философии: в качестве примера можно привести статью С. И. Орехова «Клятва и проклятие как элементы религиозного культа»¹¹.

Принимая во внимание малую изученность темы клятв в дипломатическом пространстве, мы ставим себе целью хотя бы в первом приближении рассмотреть ее на примере документов, иллюстрирующих отношения двух средневековых государств на Пиренейском полуострове в XIV–XV вв.: Арагонской Короны и Гранадского эмирата. По мере необходимости для сравнительного анализа мы также планируем использовать источники, происходящие из кастильских архивов. Документы более раннего времени (второй половины XIII в.) сохранились фрагментарно, и являются мало репрезентативными для освещения интересующей нас темы. Это, впрочем, не означает, что ритуал клятвы отсутствовал в дипломатической практике двух государств, установивших связи друг с другом едва ли не с самого начала существования последнего мусульманского оплота в Испании — Гранадского эмирата — на рубеже 1230–1240-х гг. Дело в том, что так называемые договоры о перемирии¹² (исп. «*raz*», «*tregua*», катал. «*rau*», «*treva*») между

⁷ *Бойцов М. А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.

⁸ *Лучицкая С. И.* Образ Другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. М., 2001.

⁹ *Варьяш И. И.* Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв. М., 2001.

¹⁰ Право в средневековом мире — 2009 / под ред. И. И. Варьяш, Г. А. Поповой. М., 2009.

¹¹ *Орехов С. И.* Клятва и проклятие как элементы религиозного культа // Отношение человека к иррациональному. Свердловск, 1989. С. 198–215.

¹² Следует оговориться, что сам термин «договор о перемирии», предлагаемый большинством словарей, представляется нам не совсем удачным, поскольку, в отличие от Кастилии, Арагонская Корона в XIV–XV вв. не вела продолжительных войн против Гранадского эмирата. Более того, ни один из тех документов, которые

Арагоном и Гранадой, которые главным образом и предоставляют исследователю материал для изучения дипломатических клятв, появляются только с 1296 г.¹³ (по крайней мере, сведений о более ранних документах подобного типа не сохранилось).

Тема ритуалов и религиозных практик, хотя и не занимала центрального места в отношениях Арагонской Короны и Гранадского эмирата, уступая экономическим вопросам (прежде всего, взаимной заинтересованности в поддержании торговых связей), все же была предметом определенной рефлексии, как с христианской, так и с мусульманской стороны.

Главной особенностью дипломатических связей между двумя государствами было превалирование практических целей над религиозными предписаниями. Если христианские проповедники всячески клеймили ислам, его религиозные практики и обычаи (сравнивая его, как святой Висент Феррер, чуть ли не с заразной болезнью, подобной проказе¹⁴) и запрещали (используя ссылки на папские буллы или королевские предписания) общение с теми, кто его исповедовал; если хронисты, желая скорого завершения Реконкисты, описывали все взаимоотношения с исламом в основном исключительно с позиций постоянной войны, то на практическом повседневном уровне актуальными были совершенно иные задачи. На первый план выходили военно-политические (например, формирование лиг или оборонительных союзов против общих врагов), экономические (выкуп пленников из рабства, разбор конфликтных ситуаций между купцами), бытовые (проживание на территории обоих государств подданных как христианской, так и мусульманской веры, поездки с различными целями подданных туда и обратно) цели. Поэтому исследователю особенно интересно проследить связь вопросов религии с чисто практическими задачами дипломатии, определить, в какой мере они обуславливали друг друга.

мы собираемся исследовать в данной статье, не являлся результатом оконченных незадолго до его заключения боевых действий арагонцев против эмирата, в них нельзя найти пунктов о передаче определенных территорий, разрушении приграничных крепостей, выплате дани т. п. Договоры, скорее, декларировали приверженность обеих сторон добрососедским отношениям.

¹³ *Giménez Soler A.* La Corona de Aragón y Granada // *Boletín de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona*. Т. III (1905–1906), т. IV (1907–1908).

¹⁴ *Stearns J.K.* *Infectious Ideas: Contagion in Premodern Islamic and Christian Thought in the Western Mediterranean*. Baltimore, 2011. P. 60–65.

Поскольку в нашем случае мы рассматриваем два государства с разными главенствующими религиями — христианством и исламом, то необходимо дать хотя бы самый краткий очерк того, как каждая из них относилась к принесению клятв в целом, и только затем обратиться уже непосредственно к пиренейскому материалу.

В раннем христианстве клятва первоначально воспринималась негативно, как проявление неверия, гордыни человека, заверяющего свои намерения тем, чем он не обладает. В Нагорной проповеди Иисус Христос так или иначе запрещает своим последователям приносить клятвы: *«А я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею, не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным»* (Мф. 5:33–37). В качестве примера отрицательного отношения к клятве как таковой можно привести слова св. Василия Великого: *«Клятва вообще запрещается, тем более достойна осуждения клятва, данная в злом деле»* (св. Василий Великий. К Амфилохию о правилах, второе каноническое послание. Правило 29¹⁵) и прп. Ефрема Сирина: *«Никто из вас да не клянется именем Всевышнего Бога, потому что в уста, сотворенные для славословия Божия, не должна входить клятва»* (прп. Ефрем Сирин. Слово о посте¹⁶). Ситуация стала меняться после блаженного Августина, который в своей комментарии к Нагорной проповеди («De sermone Domini in monte») высказывает мысль, ссылаясь на послания апостола Павла, о том, что нельзя безусловно отвергать клятву и призыв Бога во свидетельство истины: *«Однако, поскольку клянется тот, кто призывает в свидетели Бога, с осторожностью следует рассматривать эту главу [Нагорной проповеди — М. А.], дабы не подумать, что выступает против предписания Божьего Апостол, который часто подобным образом клялся, говоря: «А в том, что пишу вам пред Богом, не лгу», и далее: «Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословенный во веки, знает, что я не лгу»»*¹⁷. Одну из пер-

¹⁵ Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Часть 7, 4-е изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902. С. 45.

¹⁶ Преподобный Ефрем Сирин. Творения в 8 томах. Т. 3. М., 2014. С. 18.

¹⁷ Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. Т. 34. De Sermone Domini in Monte secundum Matthaenum (caput 17–51): «Sed tamen, quoniam iurat qui adhibet testem Deum, diligenter considerandum est hoc capitulum, ne contra praeceptum Domini Apostolus fecisse videatur, qui saepe hoc modo iuravit, cum dicit: Quae

вых развернутых клятв приводит Кодекс гражданского права Юстиниана: *«Я клянусь именем всемогущего (omnipotens) Бога, и именем его сына, единого, Господа нашего Иисуса Христа, и именем Святого Духа, и именем Богородицы, святой и почитаемой девы Марии, и четырьмя Евангелиями, которые я держу в руке, и именем святых архангелов Михаила и Гавриила»*¹⁸.

Ко времени классического Средневековья исследователь уже сталкивается с широким спектром различных клятв (именем Бога, Богородицы, святыми, священными книгами и предметами, своей душой, клятвы в суде, клятвы оммажа и т. д.). Подробнее останавливаться на данном сюжете в рамках настоящей статьи мы не имеем возможности, однако заметим, что в целом широкое разнообразие клятв характерно и для интересующей нас Арагонской Короны как составной части католического мира.

Отношение ислама к клятве развивалось в ином ключе. В сурах Корана есть упоминание следующих клятв: *«Клянусь утром», «Клянусь ночью, когда она успокаивается (или покрывается мраком)»* (Сура № 93 «Утро», 1–2), однако они приносятся Всевышним, а не верующими. В отношении клятв, которые разрешаются людям, исламские богословы ко времени составления хадисов (IX в.) делают следующие предписания: *«Послушайте! Воистину, Аллах запретил вам клясться своими отцами. Кто хочет поклясться, пусть клянется Аллахом или молчит!»*¹⁹ (аль-Бухари, Муслим, Ахмад, ат-Тирмизи, Абу Дауд, ан-Насаи, Ибн Маджа), *«Не клянитесь своими отцами или матерями и не клянитесь теми, кого приравнивают к Аллаху, а когда клянетесь Аллахом, говорите только правду»*²⁰ (Абу Дауд, ан-Насаи), *«Тот, кто поклялся не Аллахом, совершил куфр или ширк»* (ат-Тирмизи, Абу Дауд). Человек, совер-

autem scribo vobis, ecce coram Deo quia non mentior, et iterum: Deus et Pater Domini nostri Iesu Christi, qui est benedictus in saecula, scit quia non mentior».

¹⁸ «Клятва римского магистрата» — «Corpus iuris civilis», vol. 3, nov. 8, tit. 3: «Iusiurandum quod praestatur ab his qui administrationes accipiunt: «Iuro ego per deum omnipotentem et filium eius unigenitum dominum nostrum Iesum Christum et spiritum sanctum et sanctam gloriosam dei genitricem et semper virginem Mariam et quattuor evangelia, quae in manibus meis teneo, et sanctos archangelos Michael et Gabriel...».

¹⁹ Ибн Хаджар аль-Аскалани. Булуг аль-марам. Достижение цели в уяснении священных текстов, на которые опирается мусульманское право / пер. Э. Р. Кулиев. Эр-Рияд, 1429 (2008). С. 228.

²⁰ Там же.

шающий *куфр*, то есть грех неверия, называется *кяфиром* (неверным), а *ширк* (грех многобожия, язычества) — *мушириком*. Итак, в исламе всецело признается только клятва именем Аллаха. В дополнение могут приноситься клятвы на Коране (не на самой книге, как бумаге с чернилами, а словами Всевышнего, записанными в ней) и именем пророка Мухаммада с произнесением шахады (исламского свидетельства веры), клятвы другими лицами и объектами запрещены.

Кроме того, в хадисах также упоминается возможность нарушения клятвы. Если человек поклялся в чем-то при определенных обстоятельствах, а затем у него появилась возможность поступить в данной ситуации лучшим способом, то ему можно нарушить клятву и выполнить искупление: «...если я клянусь сделать что-нибудь, а затем вижу, что лучше поступить иначе, и если на то есть воля Аллаха, то я искупаю клятвопреступление и совершаю то, что лучше, или совершаю то, что лучше, а затем искупаю»²¹ (аль-Бухари). Искупление постом и помощью бедным празднословных клятв упоминается и в сурах (Трапеза, 89). Нарушение клятвы, принесенной с оговоркой «если на то будет воля Аллаха», клятвопреступлением не считается²² (Ахмад, ат-Тирмизи, Абу Дауд, ан-Насаи, Ибн Маджа).

Принимая во внимание вышесказанное, вернемся непосредственно к испанскому материалу. В дипломатической практике христианских стран Пиренейского полуострова в Средние века клятва приносилась королем или его представителем (например, посланником или управляющим отдельной частью королевства), как правило, при составлении особо важных документов. К сожалению, очень часто в текстах дипломатических источников — договоров о перемирии, верительных грамот, инструкций послам, личной переписке монархов и т. п. — отсутствует какое-либо описание ритуала клятвы, о ней если и упоминается, то вскользь.

Тем ценнее для исследователя становится любое сколько-нибудь расширенное по сравнению с простой констатацией факта (наподобие выражений «клянемся», «была принесена клятва») описание этого действия. Особый интерес здесь представляет уникальный по объему и информативности комплекс документов из архива Арагонской Короны в Барселоне, который позволяет изучать и сравни-

²¹ Там же.

²² Там же. С. 229.

вать не только собственно арагонские дипломатические источники, но и сохранившиеся тексты, происходящие из арабского мира²³.

Наиболее успешно по дипломатическим документам удается реконструировать клятвы христианских королей Арагона. Так в проекте «договора о перемирии» 1418 г. между Арагонской Коронной и Гранадским эмиратом от имени короля Альфонсо V сказано буквально следующее: «*Клянемся на четырех святых Евангелиях, к которым мы прикоснулись телесно*»²⁴. В другом документе (верительной королевской грамоте арагонскому послу в Гранаду 1430 г.) в отношении обряда прикосновения к священным книгам говорится более конкретно: «*Клянемся Богом и четырьмя святыми Евангелиями, к которым приложили нашу правую руку...*»²⁵.

Фернандо I Антекерский, бывший одновременно королем Арагона (1412–1416) и регентом Кастилии, использовал при подписании договора о перемирии (1414) с Гранадой клятву Святой Троицей: «*Клянусь вам названный король Гранады... Истинным Богом, Троиединством и Единством...*»²⁶.

В дипломатической переписке королей Кастилии и Арагона встречаются также королевские клятвы на Святом Кресте и именем Девы Марии: «*...клянемся на кресте нашего Господа Бога, и на святых евангелиях, разложенных перед нами, к которым мы прикоснулись телесно...*»²⁷, «*...клянемся Богом и Святой Марией на кресте и на святых евангелиях, к которым мы прикоснулись телом*»²⁸. Рядом с испанским словом «Крест» (la Cruz) иногда встречается

²³ Alarcón y Santón M.A.; García de Linares R. Los documentos árabes diplomáticos del Archivo de la Corona de Aragón. Madrid, 1940 (далее для удобства будем обозначать это издание DA — «documentos árabes»).

²⁴ Salicrú i Lluch R. Documents per a la història de Granada del regnat d'Alfons el Magnànim (1416–1458). Barcelona, 1999. Doc. 42: «...e juramos sobre los santos III evangelios, por nos corporalment tocados». Далее для удобства будем обозначать это издание DHG — «documents per a la història de Granada».

²⁵ DHG, doc. 218: «E juramos a Dios, e a los santos quatro evangelios, de nuestra mano derecha tocados...».

²⁶ Arribas Palau M. Las treguas entre Castilla y Granada firmadas por Fernando I de Aragón. Tetaúan, 1956. P. 81: «...juro a vos dicho Rey de Granada.. por dios verdadero trenidat e unidat...».

²⁷ Masía de Ros A. Relación castellano-aragonesa desde Jaime II a Pedro el Ceremonioso: Apéndice documental. Barcelona, 1994. Vol. 2. P. 113. Doc. 71/221: «...juramos so la cruz de nuestro senyor dios e los santos evangelios delant nos puestos e corporalment tanydos».

²⁸ Op. cit. P. 374: «...e juramos a Dios e a Santa Maria sobre la cruz e los santos Evangelios por nos corporalment tanydos».

латинский термин «*de ligno domini*»²⁹, что может свидетельствовать (хотя и не обязательно) о том, что в распятие инкорпорирована реликвия — частица Креста Господня, прибывшая из Святой Земли. Наконец, упоминается о клятве «*на святом теле Иисуса Христа*»³⁰, что, видимо, означает, что приносилась она на Священных Дарах. Часто встречаются также клятвенные заверения «*доброй королевской верой*», «*нашей [королевской] душой*».

Факт принесения королем клятвы в христианском делопроизводстве часто должны были подтвердить свидетели. Например, из каталанского текста «договора о перемирии» между Арагоном и Гранадой 1418 г.: «*Свидетелями, при этом находившимися, конкретнее, при подписании вышеназванным сеньором королём, который подписал и поклялся в вышеназванные день и год, были...*»³¹.

Общей чертой всех этих клятв христианских королей было то, что, как правило, они совершались над каким-либо священным предметом (Евангелия, Святой Крест, различные реликвии), в присутствии свидетелей: различных официалов, представителей клира и дворян, — часто параллельно при этом приносивших свои собственные клятвенные заверения. В целом христианская клятва выглядит как довольно четко продуманный ритуал, действие публичного характера, главной целью которого являлось подтвердить лишний раз (не просто клятвой, но с возложением рук на священные предметы, с дополнительными клятвами свидетелей) достоверность всего написанного в тексте.

Для сравнения с вышесказанным можно привести детально описанный в соседней с Арагоном Кастилии в знаменитом своде законов XIII в. короля Альфонсо X Мудрого ритуал христианской клятвы в суде: «*Должны клясться какой-нибудь святыней, под которой не понимается ни небо, ни земля, ни другое творение, не важно живое оно или нет, но [должно клясться] в первую очередь Богом и затем Святой Марией, Его матерью или каким-либо другим святым... или евангелиями, в которых заключены слова и деяния Божьи, или крестом, на котором Он был распят, или алтарем... или также церковью...*»³², «*и христиане должны клясться*

²⁹ Op. cit. P. 474.

³⁰ Op. cit. P. 547: «...juramos sobrel santo cuerpo de Ihesu Xripsto sagrado...».

³¹ DHG, doc. 42: «Testimonios fueron a aquesto presentes, es a saber, a la firma del dito senyor rey, el qual firmó e juró el día e anyo sobreditos...».

³² Las Siete Partidas del rey don Alfonso el Sabio / Ed. López G. Tomo 2. Paris, 1845. P. 526. Partida III, título XI, ley I: «deben jurar por alguna cosa santa no se

таким образом, возлагая руки на какую-либо из тех вещей [то есть Евангелия, распятие, алтарь и т. п. — М. А.], о которых говорится в первом законе...»³³.

Клятвы гранадских правителей XIV–XV вв. соответствуют главному установлению Корана (то есть совершаются только именем Всевышнего), большей частью очень абстрактны и выглядят, по крайней мере, по сравнению с христианскими, скорее как призывы Бога в свидетели³⁴. Так в арабском тексте «договора о перемирии» 1377 г. между Гранадой и Арагоном мы читаем следующую форму клятвы эмира Мухаммада V: «Мы это подписали вместе с вашим названным посланником, и призвали Бога в свидетели того, что будем исполнять с нашей стороны (и Бога достаточно в свидетели)»³⁵. В арабском варианте договора за 1405 г. между Мартином Гуманным и Мартином I Сицилийским с одной стороны и Мухаммадом VII с другой клятва гранадского правителя идентична: «И мы призвали Бога в свидетели нам, что мы честны с вами, так же как и вы Его призываете в свидетели вам, равным же образом, что вы честны в нашем отношении, и достаточно в свидетели Бога, потому что у вас будет искренность и твердость»³⁶. В клятве гранадского эмира (в «договоре о перемирии» 1414 г. с Фернандо I Антекерским), переданной по-испански христианским писцом, можно увидеть

entiende por cielo, ni por tierra ni por otra criatura, maguer sea viva ó non, mas por Dios primeramente et desi por santa Maria su madre ó por alguno de los otros santos... ó por evangelios, en que se cuentan las palabras et los fechos de Dios, ó por la cruz en que fue puesto, ó por altar... et otrosi por la elesia...». Далее для удобства будем обозначать это издание SP — «Siete Partidas».

³³ SP, partida III, título XI, ley XIX: «cristianos deben jurar asi, poniendo las manos sobre alguna de aquellas cosas que dice en la primera ley...».

³⁴ Тем не менее, как мы показали выше, в христианстве (по крайней мере, исходя из сочинений Блаженного Августина) призыв Бога в свидетели также считается клятвой.

³⁵ DA, doc. 161 (перевод с арабского на современный испанский язык): «Lo firmamos juntamente con vuestro referido emisario y ponemos a Dios por testigo de cumplirlo fielmente por nuestra parte (y con Dios es suficiente para testigo)».

³⁶ Masala M. Martino l'Hummano: trattato di pace con Granada (1405) // Sardegna, Mediterraneo e Atlantico tra Medioevo ed Etá Moderna. 1993. Vol. II. P. 341 (перевод с арабского на современный итальянский язык): «E abbiamo preso Dio a testimone su di noi della lealtà verso di voi, così come lo chiamate voi a testimone, parimenti, sulle vostre persone, della lealtà nei nostri confronti e per testimone basta Iddio, perché vi sia sincerità e fermezza».

классическое для ислама определение качеств Бога («Единый», «Истинный»): «...и вы названный король Гранады в отношении сказанного также клянетесь Единым Истинным Богом»³⁷.

В более раннем договоре 1367 г. между Арагоном, Гранадой и Марокко встречается редкая для гранадских источников, но использовавшаяся мусульманскими правителями Северной Африки развернутая форма клятвы: «И мы, султан, правитель Гранады... Вам [королю Арагона] клянемся Аллахом, Господом нашим, Единственным и Вечным, Мухаммадом его пророком, благословит его Аллах и приветствует, и Кораном, который был ему ниспослан...»³⁸.

Свидетельских показаний при клятве эмира либо не приносились, что можно вывести из самого текста «и достаточно в свидетели Бога», или же мусульманские писцы просто не считали нужным упоминать о каких-либо других клятвах, за исключением той, что именем Бога принес правитель. Ни в одном из гранадских вариантов текстов «договоров о перемирии» XIV–XV вв. мы не находим фиксации каких-либо свидетельских показаний слов правителя, в то время как в параллельных христианских текстах они обязательно присутствуют по отношению к словам арагонского или кастильского королей.

Возможно, в этом феномене можно видеть просто определенную особенность мусульманского делопроизводства, однако следует также учитывать тот факт, что при гранадском дворе было принято маскировать любые уступки христианам, по крайней мере, в том, что касалось договоров с Кастилией в XIII–XV вв., как «акт милости»³⁹, своего рода пожалования, и, следовательно, христианская сторона в политической риторике Гранады не воспринималась как равная, и эмир не должен был ради нее менять принятый в его стране порядок принесения клятвы. Такой подход мог проецироваться и на отношения с Арагоном, хотя «договоры о перемирии» с ним содержали в себе гораздо меньше пунктов, которые можно было бы воспринять как уступки.

³⁷ Arribas Palau M. Op. cit. P. 81: «...e vos el dicho rey de Granada sobre dicho asi lo jurades por un solo dios verdadero...».

³⁸ DA, doc. 75: «y así os lo juramos por Allah, Nuestro Señor, el Único, el Eterno, por Mahoma, su Profeta, — ¡Dios le bendiga y le dé la salvación! — y por el Alcorán, que le fué revelado».

³⁹ López de Coca Castañer J. El reino de Granada: ¿un vasallo musulmán? // Fundamentos medievales de los particularismos hispánicos. Málaga, 2005. P. 346.

Так обстояло дело с клятвами правителей в своих странах и по своим обычаям. Однако, к посланникам, представлявшим своих правителей в чужих землях, принимающей стороной могли предъявляться иные требования в отношении принесения клятв. К сожалению, исследователь здесь сталкивается почти с полным отсутствием описаний ритуалов в источниках. В этой связи особенно важен проект договора 1418 г. (дошедший до нас только в своем каталанском варианте), обстоятельства которого сравнительно хорошо отражены в сохранившихся документах (что само по себе является редкостью для истории Гранадского эмирата). Посол гранадского эмира Айрен приносит при дворе арагонского короля Альфонсо V необычную с точки зрения предписаний шариата клятву: *«И также клянусь в душе моего вышеназванного сеньора короля Гранады, Богом, что нет другого господина в мире, кроме одного единственного, который никакого посредника не имеет больше, и верой мавров и Кораном, что вышеназванный договор...»*⁴⁰. Та часть клятвы, которая посвящена Богу, — не что иное, как переданное христианским писцом традиционное исламское свидетельство о вере (шахада): *«Свидетельствую, что нет иного Бога, кроме Аллаха, и ещё свидетельствую, что Мухаммед — Посланник Аллаха»*. Клятва в душе или имени правителя — общее место в христианской и мусульманской дипломатической практике. Однако клятва «верой мавров» в сочетании с клятвой «Кораном» выглядит необычно и не вписывается в гранадскую дипломатическую традицию. Вероятно, причина кроется в том, что Айрен находился не в своем государстве, а при дворе правителя-христианина, и простой клятвы именем Бога было недостаточно.

Формулировка данной клятвы («верой мавров» и их священной книгой) гранадского посланника в том виде, в котором она была передана христианским писцом, на наш взгляд, не выглядит как набор отсылок к произвольным святыням. Она скорее схожа с той формой, которая фигурировала в «Книге Суны и Шары мавров», то есть судебнике мусульман, проживавших на территории Арагонской Короны (мудехаров). Считается, что сохранившийся в настоящее время перевод этой Книги на староваленсийский диалект каталанского языка был выполнен христианином, на что указыва-

⁴⁰ DHG, doc. 42: «E ahún juro, en ánima del dito mi senyor el rey de Granada, por Dios, que no ha otro senyor en el mundo sino el uno solo el qual ningui participador no ha con él, e por la fe de los moros e l'Alcorán...»

ет отстраненность автора от субъектов правового памятника, использование христианской терминологии, незнание истории жизни пророка Мухаммада, мусульманского календаря и т. д.⁴¹

Клятва мусульман в этом судебнике описывается как бы сторонним наблюдателем, ее формулировка, скорее, отражает представления христиан о том, как должен выглядеть этот ритуал: мудехары клялись «своим (мусульманским) законом», то есть Божественным законом или Кораном, находясь при этом в мечети и соблюдая киблу (то есть обращаясь в сторону священной Каабы в городе Мекка). И. И. Варьяш, изучившая судебные клятвы мудехаров в Арагонской Короне, отмечает, что их принесение на священной книге или хотя бы в рамках всеобъемлющих правил жизни, приписанных данной книгой, было понятно и приемлемо для христианского правосознания. Через клятву Божественным законом утверждалось признание за ней сакральной природы. В противном случае христианские предписания могли бы ограничиться и ни к чему не обязывающими формулировками (например, требовать принесения клятвы, «как у вас, сарацин, принято»)⁴².

Интересно сравнить клятвы гранадского посланника и с предписаниями в отношении клятв в суде кастильских мусульман, которые содержатся в «Семи Партидах»: «...и клянешься мне ты имьярек мавр тем Богом, что нет другого кроме Него...и истиной, которую, как ты считаешь, Бог вложил в уста Махомада... и если солжешь в клятве, то пусть будешь лишен всех благ Бога и Махомада... но также тем, что все наказания, которые, как говорится в Коране, Бог посылает тем, кто не верит в твой закон, падут на тебя...»⁴³. В данном случае мы также сталкиваемся с развернутой, подробной формой клятвы, которую кастильцы требовали от местных мусульман, с упоминанием Закона и Корана. Кроме того, предписывалось обращаться лицом в сторону Мекки (кибла) и возносить руку.

⁴¹ Книга Суны и Шары мавров // перевод, комментарии и вступительная статья И. И. Варьяш. М., 1995. С. 22.

⁴² Варьяш И. И. Клятвы пиренейских сарацин // Право в средневековом мире — 2009. С. 171–172.

⁴³ SP, partida III, título XI, ley XXI: «...júrasme tu fulan moro por aquel Dios que no ha otro sinon él... e por la verdad que tu tienes que puso Dios en la boca de Mahomad... et si mentira juras que seas apartado de todos los bienes de Dios et de Mahomad... mas todas las penas que dice en el Alcorán que dará Dios a los que no creen en la tu ley vengán sobre tí...».

Невозможно утверждать, что от гранадского посланника как иностранного представителя в Арагоне требовали приносить заверения именно по понятному для принимающей стороны образцу. Гораздо важнее для исследователя другое: рассмотреть, как отражался мусульманский обряд в тексте, составленном христианским писцом. Делопроизводители Арагонской Короны фиксировали клятвы гранадцев в рамках собственного опыта, формуляра и языка. Таким образом, совершенно необязательно, что посланник эмира совершал ритуал клятвы именно в такой форме, которая была записана в христианском варианте документа. Он мог просто в рамках формального дипломатического протокола подписать клятвенное заверение, составленное в необходимой христианам форме, и это совсем не означало факта какого-либо принуждения. Об этом косвенно свидетельствует и то, что клятва составлена напрямую от имени Айрена («я клянусь»), а не от третьего лица (например, «гранадский посланник поклялся»⁴⁴). К сожалению, арабского текста проекта данного договора не сохранилось, и мы не имеем возможности сравнить его с арагонским вариантом, и узнать, как там была представлена клятва гранадского посла.

Кроме того, в арагонском тексте договора в соответствии с христианской традицией составления подобных документов упоминаются еще и свидетели (и более того, разных исповеданий): *«И подписи и клятве вышеназванного Айрена, сына Айорлы, кабальеро, посланника и прокуратора вышеназванного (короля Гранады), который подписал и поклялся в вышеназванном городе Сарагоса, в пятый день вышеназванных месяца и года, были свидетелями монсеньор Рамон Шатмар, монсеньор Жоан д'Айуто, из королевства Сицилии, миссер Мартин де Торрес, Гийем Санчес из Алгарави, приор из Ла Пеньи, Мухаммад Улей Лейш, Мухаммад Эмеги и Мухаммад Мадрани, мавры из города Гранады»*⁴⁵.

⁴⁴ Формулировки от второго и третьего лица часто встречаются в дипломатической документации. См., например, вышеуказанный текст клятвы эмира в «договоре о перемирии» от 1414 г.: «...и вы, названный король Гранады ... клянётесь Единым Истинным Богом».

⁴⁵ DHG, doc. 42: «E a la firma e jura del dito Hayren, fillo de Hayrola, cavallero, misagero e procurador sobredito, el qual firmó e juró, en la dita ciutat de Çaragoça a cinco días del mes e anyo sobredits, fueron testimonios mossén Ramón Xatmar, mossén Johan d'Ayuto del regno de Sicilia, micer Martín de Torres, Guillem Sánchez de Algraví, prior de la Penya, Mahomat Huley Leix, Mahomat Emhegi e Mahomat Madrani, moros de la ciutat de Granada».

Клятва гранадского посла (в том виде, в котором она была записана христианским делопроизводителем), таким образом, становится уже куда менее похожей на абстрактные клятвенные заверения его сюзерена. Невозможно с точностью реконструировать, как на самом деле выглядел ритуал, который совершал гранадский посланник: вероятнее всего, он соотносился с вышеназванными предписаниями Корана и хадисов. Однако мы точно знаем — клятва фиксировалась в форме, удовлетворяющей и христианскую, и мусульманскую сторону, в чем можно видеть непосредственное взаимодействие в дипломатическом поле двух религиозных традиций.

Следует отметить, что благонравие посланника наряду с искренностью слов его правителя были чрезвычайно важны для дипломатической практики христианских королевств Пиренейского полуострова. В этой связи показательной выглядит жалоба (1414) Фернандо I Антекерского гранадскому эмиру Юсуфу III на то, что последний отправил к нему в качестве посланника вероотступника, ренегата (*renegado*), то есть человека ненадежного по всем канонам средневекового мировоззрения: *«Вам говорим о ... прибытии к нам дона Маира, еврея, который, как мы поняли, ныне является вероотступником, врагом святой католической веры... мы были недовольны этим, однако в этот раз отнеслись терпимо из-за вашей любви... отныне и впредь просим вас ни названного еврея, ни какого-либо другого вероотступника нам не посылать, поскольку его мы точно не потерпим...»*⁴⁶. Арагонский король недоволен фактом того, что посланник отступил от католической веры, а не тем, что он иудей, поскольку среди дипломатов на Пиренейском полуострове иудеи часто встречались в качестве представителей как христиан, так и мусульман, и ни у одной из сторон никаких претензий, как правило, не вызывали.

К сожалению, ввиду плохой сохранности гранадских источников, в нашем распоряжении нет документов, которые помогли бы реконструировать клятвы христианских посланников при дворе гранадского эмира. Исключение составляет лишь арабский вариант «договора о перемирии» 1367 г. между Арагоном и Гранадой (а также Марокко), в котором упомянута следующая их клятва:

⁴⁶ *Arribas Palau M.* Op. cit. P. 68: «vos lo deziamos... sobre la venida a nos de don Mahir judio el qual segund hauemos entendido yes renagado, e enamigo de santa fe catholica... hauemos hauido desplacer dello empero esta vegada hauemos tolerado por amor vuestra... daqui adelante rogamos vos quel dito judio ne semeiante renagado no nos enuiedes car seet cierto que no hi dariamos paciencia...».

«И таким образом клянемся клятвами, используемыми христианами при обязательствах и обещаниях, и Богом, и Евангелиями»⁴⁷. Мусульманский писец не стал вдаваться в суть этих клятв, отметив лишь их обыденность, традиционность. Это еще раз свидетельствует о принципиально ином подходе (с гораздо более абстрактным пониманием и, соответственно, отношением к клятве), использовавшемся в мусульманском делопроизводстве по сравнению с христианским. Для подтверждения искренности слов правителя его посланникам было достаточно принести обычные клятвы, которые использовались в их стране.

Итак, мы имеем дело с двумя религиозными традициями принесения клятвы. Каждый правитель давал клятву в соответствии с установлениями своего вероисповедания. Клятвы посланников, представителей государей, могли испытывать (по крайней мере в тех формулировках, в которых они были записаны) определённое влияние чужих традиций, во всяком случае, это касалось мусульманских послов в христианских странах. Несмотря на неоднозначное отношение двух религий к ритуалам и сакральным практикам друг друга, в дипломатическом поле клятвы иноверцев были вполне легальным, и более того, единственным и обязательным способом подтверждения тех или иных договоров: иначе стороны просто не могли бы верить друг другу. Находясь в едином сакральном пространстве, каждый из партнеров по переговорам мог осуществлять ритуал по канонам своего вероисповедания. В этом и состоял смысл принесения клятвы в дипломатических отношениях между государствами с разными конфессиями.

Подводя итоги, можно сделать вывод о существовании некоторого религиозного компромисса в области международных отношений на Пиренейском полуострове эпохи позднего средневековья, по крайней мере, в той их области, которая касалась заключения договоров между Арагонской Коронай и Гранадским эмиратом, и о формировании общего сакрального пространства, необходимость наличия которого обуславливалась практическими целями. Подтверждением служит тот факт, что мирные соглашения между двумя государствами периодически заключались и поддерживались в течение всего XIV — первой половины XV в.

⁴⁷ DA, doc. 75: «Y así lo juramos con los juramentos usados por los cristianos en las obligaciones y promesas, y por Dios, y por Evangelios...».